Влияние «эффекта колеи» на адаптацию старопромышленных районов Нижнего Поочья к меняющимся экономическим условиям в постсоветский период[1]

Е. А. Черепанова, П. А. Широкова, Г. А. Назаренко, О. Е. Прусихин, О. Д. Крутов, Е. А. Александров, Н. А. Колдобская

Екатерина Александровна Черепанова, ведущий аналитик, фонд «Центр стратегических разработок». 125009, Москва, пер. Газетный, д. 3-5, стр. 1. E-mail: ekcherepanowa2016@yandex.ru

Полина Андреевна Широкова, независимый исследователь. 143923, Московская область, г. Балашиха, ул. Ситникова, 2. E-mail: shirokova-poly@yandex.ru.

Григорий Александрович Назаренко, студент магистратуры, кафедра экономической и социальной географии России, географический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1. E-mail: nga-02@mail.ru

Олег Евгеньевич Прусихин, аспирант, ведущий инженер, кафедра экономической и социальной географии России, географический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1. E-mail: olegprus2000@mail.ru

Олег Дмитриевич Крутов, аспирант, ведущий инженер, кафедра экономической и социальной географии России, географический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1. E-mail: bigoleg911@yandex.ru

Евгений Алексеевич Александров, студент магистратуры, кафедра экономической и социальной географии России, географический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1. E-mail: aleksandrovea@my.msu.ru

Наталья Андреевна Колдобская, кандидат географических наук, доцент, кафедра экономической и социальной географии России, географический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1. E-mail: koldobskaya@gmail.com

1. Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 24-17-00107 «Малые города и сельские населенные пункты в системе расселения регионов России (1989–2021)». Авторы выражают благодарность доценту кафедры культурологии ННГАСУ, к.ю.н. Ю. Л. Крузе, доценту ФГГТ НИУ ВШЭ, к.г.н. К. В. Аверкиевой и Г. А. Пивовар.

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния «эффекта колеи» на адаптацию старопромышленных территорий Нижнего Поочья (Нижегородская область) к изменяющимся экономическим условиям в постсоветский период. Выделяются две различные траектории развития: северной части (Павловский и Вачский округа), где преобладает малое предпринимательство и кустарное производство, и южной части (Выкса, Кулебаки, Навашино), где доминируют крупные предприятия. Исследование основано на анализе материалов интервью, статистических и архивных данных. Сравнительный анализ показал, что северные территории смогли адаптироваться через реструктуризацию и диверсификацию производства, основанную на исторических традициях кустарного промысла, в то время как южные территории сохранили моноцентричную модель, где градообразующие предприятия определяют экономическую и социальную жизнь. Авторы рассматривают три типа «эффектов блокировки» (функциональный, политический и когнитивный), которые затрудняют диверсификацию экономики в южных районах. В северных районах, напротив, развитая сеть малых предприятий и кооперация между ними способствуют устойчивости и гибкости местной экономики. Исследование подчеркивает, что исторически сложившаяся специализация территорий продолжает определять их траектории развития.

Ключевые слова: старопромышленные территории, эффект колеи, Нижегородская область, Нижнее Поочье, малые города, моногорода, черная металлургия

EDN: RHYULJ

Периферийные территории, малые города и сельская местность зачастую располагают меньшими условиями для приспособления к меняющимся социально-экономическим условиям, в результате чего проигрывают в конкуренции за ресурсы. Наиболее ярко подобные тенденции проявляются на старопромышленных территориях, где масштаб основных фондов, вовлеченных в промышленное производство, и высокая степень зависимости от одной или нескольких отраслей производства приводят к значительному влиянию «эффекта колеи» на экономическое развитие территории. Проблема адаптации старопромышленных территорий очень актуальна для России, где более четверти всех городов отнесены к моногородам, а значительная часть территории испытывает депопуляцию и постепенное затухание хозяйственной деятельности.

Именно поэтому особый интерес для исследования имеют стратегии адаптации старопромышленных территорий: факторы и пути, благодаря которым удается переломить «эффект колеи» или же использовать его на благо территории.

Данный вопрос был изучен на примере Нижнего Поочья — юго-западной части Нижегородской области у побережья Оки (Павловский и Вачский муниципальные округа, городские округа Выкса, Кулебаки и Навашинский) (рис. 1). Выбор территории был определен близким соседством на ней двух кардинально отличающихся по динамике и особенностям развития районов: южной части (Выкса, Кулебаки и Навашино), жизнь которой завязана на крупные предприятия (Выксунский металлургический завод,

Русполимет, Навашинская судоверфь), и северной (Павловский, Вачский районы), где широко представлен малый и средний бизнес, промыслы, а промышленные мощности распределены между собственниками и между населенными пунктами. Исследуемая территория включает в себя как малые города, так и сельскую местность. Подобный подбор кейсов был необходим для того, чтобы минимизировать влияние экономико-географического положения[2] (ЭГП) и отраслевой структуры экономики на дифференциацию траекторий развития изучаемых старопромышленных территорий, и для того, чтобы иметь возможность более качественно оценить влияние «эффекта колеи».

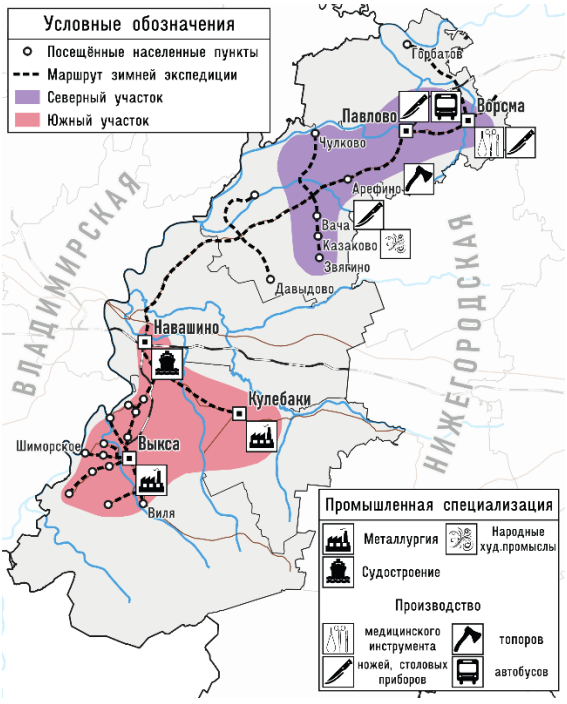

Рис. 1. Исследуемая территория и специализация посещенных населенных пунктов. Составлено авторами

2. Экономико-географическое положение (ЭГП) — географическое положение места, объекта (предприятия, населенного пункта, района, страны) относительно внешних объектов, важных для его появления и развития (цит. по: Социально-экономическая география..., 2013).

СОВРЕМЕННОСТЬ

Старопромышленные территории широко исследуются как в российских географических работах (Аверкиева и др., 2021; Нефедова, Трейвиш, 2020), так и в международных (Стратегии развития..., 2011; Акимова, Чернецкий, 2024). Несмотря на отсутствие единого подхода, в научной литературе сформировался ряд ключевых характеристик, позволяющих идентифицировать данные территории. Отмечено три ключевых диагностических признака таких территорий в отечественных исследованиях (Сорокина, 2025):

1) *Утяжеленная структура экономики* — преобладание в экономике промышленных отраслей устаревших технологических укладов (Глазьев, 1993). Для промышленности характерен низкий уровень наукоемкости продукции (Глонти, 2008). Сами же предприятия являются не производителями, но потребителями инноваций (Сорокина, 2005).

К старопромышленным регионам России традиционно относят территории, где промышленное развитие началось в дореволюционный период или в первые десятилетия советской индустриализации, — чаще регионы Центральной России и Нижегородскую область, Санкт-Петербург и окружающие его территории, Средний Урал (Староосвоенные районы..., 2021).

2) *Замедление темпов экономического развития в условиях сложившейся отраслевой структуры экономики.* Старопромышленные территории на определенном этапе были лидерами экономического роста, но в условиях смены технологических укладов не смогли перестроиться (Глонти, 2008). Критическим стал период экономических трансформаций 1990-х годов (Сорокина, 2005; Староосвоенные районы..., 2021).

3) *Сложность адаптации к изменяющимся под влиянием нового технологического уклада условиям внешней среды.* Старопромышленные территории демонстрируют устойчивую негативную динамику по ключевым социально-экономическим показателям. Их географическое положение на постсоветском этапе смещается от ядерного в субпериферийное и периферийное (Бабурин и др., 2023), что проявляется как на уровне регионов, так и городов. Старопромышленные города часто оказываются аутсайдерами из-за низких показателей экономического развития, устаревшей инфраструктуры и деградации человеческого капитала (Землянский и др., 2020).

В зарубежной литературе выделяется несколько подходов к причинам упадка старопромышленных территорий. Согласно традиционалистскому подходу (Boschma, Lambooy, 1999), упадок связан с изменением спроса на выпускаемую продукцию. Причинами выступают доминирование стагнирующей отрасли; падение экспортного спроса на продукцию; последний этап жизненного цикла продукта (Steiner, 1985). С точки зрения

институционального подхода экономическая стагнация анализируется через систему сложившихся на территории неэффективных институтов. Ключевой концепт — «эффект колеи» (Boschma, 2007): современная динамика территории определена предыдущим развитием. Для институциональной среды старопромышленных регионов свойственна ограниченная способность к адаптации, что способствует возникновению феномена, известного как «эффект блокировки» (Hassink, 2005). Он проявляется в трех формах: функциональная блокировка, выражающаяся в создании замкнутой на себе сети взаимодействий между ключевыми акторами; когнитивная блокировка, выражающаяся в доминировании единой консервативной системы ценностей, политическая блокировка, характеризующаяся тесным переплетением интересов экономических и властных структур. В итоге сложившиеся институциональные структуры формируют самоподдерживающуюся коалицию, что в конечном счете приводит к стагнации и упадку территории.

Другим основополагающим понятием в рамках институционального подхода является рассмотрение сети как формы промышленного производства. Формирование неэффективной сети может быть одной из причин стагнации (Замятина, Пилясов, 2016). Появление «неэффективных» сетей связывают с так называемыми «ловушками» (Hassink, 2005). Это ловушка интеграции — установление в регионе сети экономических и политических акторов, одновременно очень тесной и жесткой; ловушка специализации — устойчивая, негибкая специализация региона; ловушка фрагментации — напротив, слишком слабое взаимодействие между предприятиями внутри региона.

В то же время выделяют три группы факторов трансформации старопромышленных территорий (Hu, Hassink, 2015): отраслевые факторы — жизненный цикл продукта, спрос на продукцию, возможность отрасли создавать новые продукты и т.д.; политико-институциональные факторы воздействия — уровень централизации, существующие институты, политические лидеры и т.д.; «непредсказуемые и непреодолимые» факторы воздействия — кризисы, ухудшение окружающей среды, чрезвычайные ситуации.

Ключевой акцент делается на изучении механизмов создания «родственного» (появление компаний в смежных секторах) и «неродственного» (развитие технологически не связанных между собой отраслей) разнообразия (Boschma, Capone, 2015). Экономическая динамика во многом определяется исторически сложившейся специализацией: новые предприятия, как правило, возникают в той же или смежной сфере, что и ранее доминировавшие на данной территории производства. Например, на ранней стадии развития автомобильной промышленности Великобритании фирмы имели более высокий уровень выживаемости, если их предприниматели ранее работали в смежных отраслях, таких

как производство велосипедов, автобусов или машиностроение, и если в их регионах было значительное присутствие этих отраслей (Boschma, Wenting, 2007).

Методы и материалы

Информационной базой исследования стали материалы экспедиции, проведенной в январе 2025 года. В рамках экспедиции было проведено более 50 фокусированных интервью с представителями бизнеса, системы образования, местной власти и местного сообщества, посещено 9 предприятий металлургии, металлообработки и производства изделий из стали, проведены полевые обследования городов Павлово и Выкса. Интервью с представителями местных органов власти фокусировались на структуре экономики и занятости, динамике социально-экономического развития муниципалитетов, роли отдельных отраслей и предприятий в локальной экономике; с представителями системы образования — на взаимодействии с предприятиями и трудоустройстве выпускников; с представителями предприятий, малого и среднего бизнеса — на выборе сферы деятельности, особенностях производственного процесса, кооперационных и сбытовых связях. В рамках полевых обследований и визуальных наблюдений отмечались проявления влияния предприятий и экономической специализации территории в городском пространстве и символическом капитале. Дополнительно использовались статистические данные (БДПМО Росстата[3], СПАРК-Интерфакс[4]), архивные и литературные источники. На этапе сбора данных главными методами в работе стали экспертные интервью, полевые наблюдения и статистические методы, на этапе анализа — сравнительно-географический метод. Описание адаптаций промышленности опирается на данные экспертных интервью и полевые наблюдения.

Результаты и их обсуждение

Исторический и современный контекст

Уже на протяжении первой половины XIX века можно говорить о формировании в Нижнем Поочье двух промышленных районов с ярко выраженной специализацией: Павловского металлопромышленного (в терминологии некоторых

3. Здесь и далее: База данных показателей муниципальных образований // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/databases/munst.php
4. Здесь и далее: СПАРК-Интерфакс. URL: https://spark-interfax.ru/

дореволюционных авторов — сталеслесарного (Савельев, 1916)) и Выксунско-Кулебакского металлургического.

Вместе с тем история зарождения Павловского металлопромышленного района уходит своими корнями в конец XVI — XVII век, когда на пересечении двух транспортных магистралей — р. Ока и Московско-Нижегородского тракта в Павлове возникают многочисленные кузницы, в которых местные ковали занялись «*заваркой ружейных стволов*» и изготовлением оружия для удовлетворения потребности в нем гарнизонов Окской оборонительной линии. Другим важным фактором стала близость источников сырья — болотных железных руд.

Во второй четверти XVIII века благодаря открытию павловским помещиком графом П. Б. Шереметьевым «*железного завода*» вкупе с развитием речной торговли и ростом на Волге крупных ежегодных ярмарок (Макарьевской, впоследствии Лысковской и др.) возникает мануфактурное производство складных ножей, замков и ружей. Завод просуществовал в Павлове до 1770 года, однако сталеслесарное производство на этом не закончилось, а преобразовалось: «*мануфактурная форма промышленности раздробилась, распылилась по отдельным семьям, ушла в избы*», приняв форму кустарного промысла (Савельев, 1916: 7–9). Это нашло свое отражение в другой особенности местной металлообработки, а именно в возникновении конце XVIII — первой половине XIX века в разных частях уже формирующегося в пределах Горбатовского уезда Нижегородской губернии металлопромышленного района локальных «гнёзд», «кустов» поселений, где местные кустари из крепостных крестьян начинали специализироваться на производстве определенного вида металлических изделий.

Впоследствии, в течение 1830–1850-х годах благодаря постепенному проникновению новых технологий металлообработки возникает потребность в усилении постадийного разделения труда, что выразилось в возникновении объединений кустарей — мастерских и артелей. Некоторые из них в пореформенный период разрослись до крупных фабрик. Вследствие этого начиная с 1860–1870-х годов Павловский кустарный район становится кустарно-промышленным (Волго-Вятский экономический район..., 1961: 228). Характерным явлением времени становится возникновение династий фабрикантов, многие основатели которых в прошлом — разбогатевшие мастеровые и кустари. Среди них в Павлове — Воротиловы, Вырыпаевы, Калякины, Банины, в Ворсме — братья Завьяловы, Залявины, Шмаковы, в Вече — Кондратовы и др. Вместе с тем к началу XX века прочно закрепилась товарная специализация отдельных сёл и «кустов» поселений: с. Павлово — центр производства замков, с. Ворсма — перочинного ножа, с. Тумботино — ножниц, селения Детковской и Панинской волостей — коромысел, селения Новосельской (прежде всего с. Вача) и соседних волостей Муромского уезда Владимирской

губернии, пограничных с Горбатовским, — столового и хлебного ножа, вилок и др. приборов.

Так, согласно данным переписи кустарных промыслов, проведенной в Нижегородской губернии в 1912 году в границах Павловского сталеслесарного района, выделяемого Савельевым в пределах 13 волостей Горбатовского уезда, в промыслах было занято 13,8 тыс. чел., или 15,1% всего населения[5] района. В отдельных волостях доля занятых в промыслах была заметно выше средней по району: например, она составляла 23,5% населения в Ворсменской и более половины всего населения — 53% в Детковской волости (Савельев, 1916: 2). При этом если исключить детскую и подростковую занятость, то в промыслах было занято от 87% (Ворсменская) до 98–98,5% (Павловская и Тумботинская) экономически активного мужского населения означенных выше волостей, учитывая также тех, для кого подобная занятость была сезонной, преимущественно вне основного периода сельскохозяйственных работ (Савельев, 1916: 4). В свою очередь, согласно данным Владимирского губернского статистического комитета, к 1901 году «*выделкой различных ножей, ножниц и кинжалов*» в левобережной части Муромского уезда в 69 селениях в окрестностях Вачи было занято около 4,5 тыс. чел., тогда как производством сундуков в 10 селениях Арефинской, Загаринской (современный Вачский район) и Варежской волостей (крайний запад Павловского района) было занято 379 кустарей (Федосеев, 1901: 8–9).

После 1917 года крупные фабрики национализируются, а свободные кустари объединяются в артели, в 1930-е годы возникает новое направление промышленной специализации: производство хирургического (медико-инструментальный завод им. В. И. Ленина в Ворсме), слесарно-монтажного, столярного, сапожного (в Павлове) инструмента, что делает Павловский металлопромышленный район одной из крупнейших баз по производству инструмента в Советском Союзе. Вместе с тем кустарный характер производства район потеряет уже в послевоенные десятилетия, а именно в 1957 году, когда «*с целью ликвидации распыленности производства и остатков кустарничества*» 5 заводов и 72 артели Павловского и Вачского районов Горьковской области были реорганизованы и объединены в 27 новых заводов (Волго-Вятский экономический район..., 1961: 228–229). Такая организация местной металлической промышленности сохранялась вплоть до начала 1990-х годов. Накопленные компетенции обработки металла станут востребованы и в машиностроении: так, в 1930 году в Павлово запускается завод автотракторного инструмента, который позже станет Павловским

5. Среди 13 772 занятых в кустарных промыслах было учтено 9066 мужчин, 2429 женщин и 2277 несовершеннолетних детей и подростков обоего пола (Савельев, 1916: 2).

автобусным заводом[6], а в 1940 году вводится в эксплуатацию завод авиационного оборудования (современные заводы «Гидроагрегат» и «Восход»)[7].

В свою очередь, история Выксунско-Кулебакского металлургического района берет свое начало во второй половине XVIII века с основания в 1765 году первого завода в Выксе тульскими промышленниками братьями Баташевыми, перенесшими свои производства в Нижнее Поочье. До конца века в районе будет основано более десяти железоделательных и чугуноплавильных заводов, большинство из которых просуществует до 1860–1870-х годов. Развитие металлургии в Нижнем Поочье в означенный период обусловлено благоприятным сочетанием основных факторов производства: наличие собственной сырьевой и топливной базы, выгодное транспортно-географическое положение на Оке относительно основных потребителей в центральных губерниях страны, а также дешевизна крепостного труда. Впоследствии, до 1917 года в связи с нерентабельностью закроется большинство небольших старых заводов (Илевский, Вознесенский, Велетьминский и др.), некоторые будут ликвидированы в раннесоветский период (Вилевский завод). В советское время в районе произойдет резкая концентрация металлургического производства в Выксе и Кулебаках, которое приобретает характер передельного: основным сырьем становится привозной лом, стружка, а также передельный чугун. Возникает специализация на производстве труб в Выксе и металлических комплектующих для железнодорожного машиностроения, а также металлоконструкций в Кулебаках (Волго-Вятский экономический район..., 1961: 233–234).

К настоящему времени постсоветские рыночные трансформации сформировали разные направления развития ключевых промышленных предприятий района. В южной части Нижнего Поочья крупные металлургические предприятия продолжают оставаться ключевыми экономическими акторами, формирующими наибольшее число рабочих мест, в т.ч. в смежных отраслях; более того, создаются новые металлургические предприятия. В массе своей они сумели воспользоваться благоприятной конъюнктурой рынка, диверсифицировать свою продукцию и нарастить объемы производства (рис. 2). В северной же части среди крупных предприятий наибольшую значимость получают

6. Павловский автобусный завод отмечает 85-летие. Союз машиностроителей России. [Электронный ресурс]. https://soyuzmash.ru/news/companies-news/pavlovskiy-avtobusnyy-zavod-otmechaet-85-letie/ (дата обращения: 04.04.2025).
7. 19 октября — день основания завода «Гидроагрегат». Нижегородская ассоциация промышленников и предпринимателей. [Электронный ресурс]. https://napp52.ru/19-oktyabrya-den-osnovaniya-zavoda-gidroagregat/ (дата обращения: 04.04.2025).

машиностроительные производства, в то время как заводы-наследники металлопромышленных артелей оказываются не в лучшем экономическом положении.

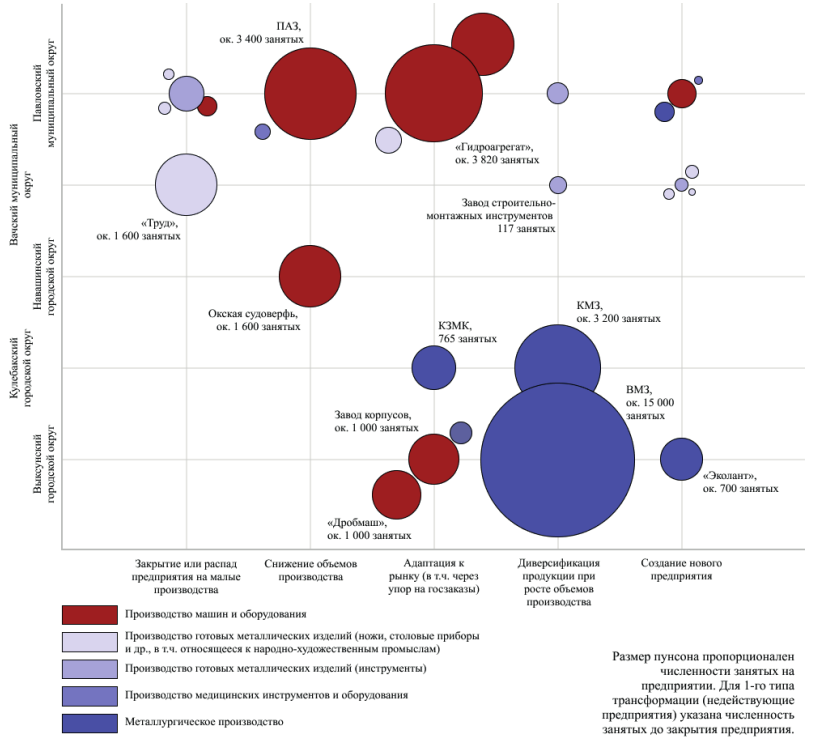

Рис. 2. Типы трансформации отдельных крупных, средних и малых предприятий металлургии, металлообработки и машиностроения Нижнего Поочья по муниципалитетам за постсоветский период[8]. Составлено авторами на основе интервью и СПАРК-Интерфакс

Сегодня наиболее высоким уровнем социально-экономического развития среди исследуемых муниципальных образований выделяется городской округ Выкса, являющийся лидером по промышленному производству, привлеченным инвестициям и среднемесячной заработной плате не только среди районов

8. Расшифровка сокращений: ВМЗ — АО «Выксунский металлургический завод», КМЗ — Кулебакский металлургический завод (юридическое лицо АО «Русполимет»), ПАЗ — Павловский автобусный завод (юридическое лицо ПАО «Павловский автобус»), «Труд» — завод металлоизделий «Труд-Вача», «Эколант» — металлургический завод АО «Эколант», КЗМК — Кулебакский завод металлоконструкций (юридическое лицо АО «СМК Кулебаки»).

Нижнего Поочья, но и в Нижегородской области (табл. 1). Навашинский, Павловский округа и Кулебаки занимают примерно одинаковое социально-экономическое положение. Вачский муниципальный округ — аутсайдер по большей части социально-экономических показателей как среди исследуемых районов, так и среди Нижегородской области в целом.

Таблица 1. Отдельные показатели социально-экономического развития исследуемых муниципальных образований

Муниципальное образование	Показатель (место в Нижегородской области)			
	Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства) в 2023 г. на душу населения, тыс. руб.	Инвестиции в основной капитал, осуществляемые организациями, находящимися на территории муниципального образования (без субъектов малого предпринимательства) в среднем за 2021–2023 гг. на душу населения, тыс. руб.	Введено в действие жилых домов на территории муниципального образования в среднем за 2020–2022 гг. на 1000 человек, квадратный метр общей площади жилых зданий	Среднемесячная заработная плата работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) в 2023 г., тыс. руб.
городской округ г. Выкса	3485,3 (1)	491,2 (1)	468,6 (10)	74,0 (2)
городской округ г. Кулебаки	762,5 (7)	57,3 (12)	176,6 (45)	56,4 (9)
городской округ Навашинский	571,2 (12)	35,1 (25)	350,9 (25)	54,3 (10)
Павловский муниципальный округ	752,6 (8)	42,5 (19)	361,9 (24)	58,7 (6)
Вачский муниципальный округ	36,4 (44)	18,4 (39)	289,8 (30)	39,6 (39)

Источник: составлено и рассчитано авторами по данным БДПМО.

Можно выделить два различных типа адаптации к изменившимся социально-экономическим условиям в постсоветский период. Северный район — это пример стихийной реструктуризации. После закрытия основных предприятий в постсоветский период отрасль смогла перестроиться и вернуться к малоформатному типу организации. Этот переход происходил эволюционно, в два этапа. Сначала бывшие сотрудники инструментальных фабрик, оставшиеся без работы, перешли на индивидуальное изготовление продукции металлообработки, выполняя весь цикл работ самостоятельно и выпуская привычные им типовые столовые приборы. В тот же период появились единичные крупные производства, например, «САРО», с десятками и сотнями наемных сотрудников, которые превратились в своеобразные «университеты», откуда мастера, набравшись опыта, уходили в индивидуальное предпринимательство.

На втором этапе начала формироваться кооперация между мастерами. Ранее на фабриках мастера выполняли отдельные операции, поэтому при переходе на самостоятельную работу возникали трудности с выполнением всех операций по производству готового продукта. Выходом из этой ситуации стало постадийное разделение труда, когда каждый выполняет работу, соответствующую его навыкам. Также произошло кратное увеличение ассортимента выпускаемых товаров, вызванное конкуренцией с китайским импортом и расширением потребительского спроса. Сегодня в районе производится широкий спектр продукции: от туристических и охотничьих ножей до исторических реплик, от садового инвентаря до художественного литья.

Современный рынок металлообработки в северном районе Нижнего Поочья — это крайне разветвленная хозяйственная структура с тесными внутренними связями, диверсифицированная не только горизонтально (по стадиям и по продукции), но и вертикально. Среди форм организации производства на территории встречаются индивидуальные мастера, небольшие артели до 10–15 человек, выпускающие серийную продукцию, и предприятия, выполняющие крупные заказы. Появление большого числа рыночных ниш добавляет гибкости, по словам одного из респондентов: «Сколько людей сюда ни привези, они найдут чем заняться». Характерна и территориальная дифференциация: многие мастера и малые предприятия расположены в селах Павловского (важный центр здесь — второй по значению г. Ворсма) и Вачского округов.

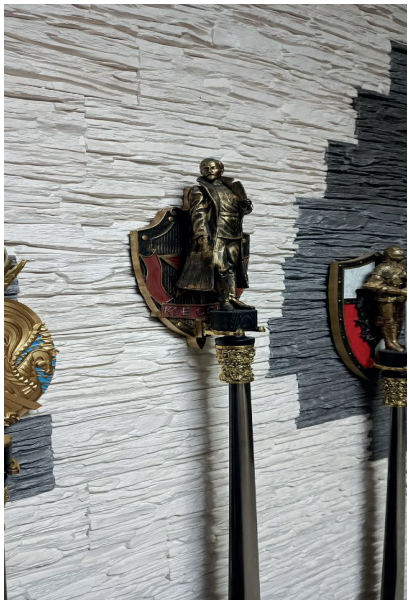

Рис. 3. Примеры продукции малых металлообрабатывающих производств. Фотографии авторов

В отличие от северного района, реструктуризацию в южном районе можно считать ложной, поскольку не произошла трансформации местной хозяйственной системы, наоборот, усиливается ее

моноцентричность. Реструктуризация в южном районе началась с производственной модернизации. В Выксе этот процесс идет непрерывно с 2000-х, включая внедрение новых технологий изготовления труб и снижения воздействия на окружающую среду. Основным направлением остается выпуск железнодорожных колес и труб большого диаметра.

Развитие малого и среднего предпринимательства в Выксе затруднено, поскольку металлургический завод концентрирует экономически активное население. Градообразующее предприятие сформировало вокруг себя сеть «смежников», в том числе из числа малых и средних предприятий. Образовательная инфраструктура в Выксе ориентирована преимущественно на потребности завода в кадрах. Альтернативных проектов в сфере образования в Выксе пока не планируется, что снижает потенциал для появления новых отраслей и инновационных изменений на территории.

Завод ведет довольно агрессивную кадровую политику. Выбрав своей стратегией удержание местного населения и привлечение рабочей силы, компания активно вкладывается в городскую среду для формирования привлекательного образа территории. На средства ОМК в Выксе не только строится инфраструктура, но и поддерживаются городские события и социально-культурные инициативы. Ориентация на завод, как показало обследование сел г.о. Выкса, характерна и для жителей пригородной сельской местности, плотно связанной с городом сетью автобусных маршрутов и потоками ежедневной маятниковой миграции.

Влияние «эффектов блокировки»

Функциональная блокировка обусловлена существованием жесткой структуры хозяйственных связей, в которой доминирующее положение занимает ВМЗ. На завод приходится около 70% всей выручки в городе, а сотрудничество с ВМЗ является самым маржинальным вариантом коммерческой деятельности в городе. Один из респондентов отмечал, что из всех бизнесов, которыми он владеет, прибыль приносят только те, что оказывают услуги заводу.

Возникновение политической блокировки обусловлено кадровыми связями администрации городского округа и металлургического завода. Сближение руководства округа с заводом отразилось на стратегии развития округа, в основе которой лежит потребность градообразующего предприятия в привлечении дополнительно 5–6 тысяч человек рабочей силы. Практически все заложенные в стратегию мероприятия инициированы и финансируются «Объединенной металлургической компанией» (ОМК).

Наконец, когнитивная блокировка проявляется в инерции взглядов местного сообщества, неосознанном отождествлении города с заводом. Максима «все в городе держится на ВМЗ» часто звучала в ответах интервьюируемых. Событием для города стала

остановка последней мартеновской печи, потому что «мартен — это сердце завода, а завод — сердце города»: «*Когда в 2018 году останавливали мартен, боялись, что завод закроется и жизнь в городе остановится*» (местная жительница, 56 лет). Жители не видят альтернатив развития города и возможностей для себя в этом городе, проявляют меньшую социальную активность и креативность, играющие важную роль в трансформации старопромышленных территорий.

Факторы трансформации экономики

В рамках вышеописанной модели (Hu, Hassink, 2015) можно выделить три группы факторов, обусловивших различия в траектории развития северной и южной части Нижнего Поочья.

Политико-институциональные факторы. Ключевым фактором дифференциации выступает эффект колеи, проявившийся в воспроизводстве дореволюционных моделей экономической организации. Северные районы сохранили традиции малого предпринимательства в металлообработке, тогда как южные — ориентацию на крупные промышленные предприятия.

На севере, в Павлово и Ворсме, сложилась «особенная» среда, способствующая обучению и взаимодействию предпринимателей. Ее ключевыми элементами выступают: инфраструктура, способствующая передаче знаний (в частности, Павловский техникум народных художественных промыслов и одно из первых постсоветских предприятий — «САРО» в Ворсме), и устойчивые практики неформального взаимодействия между субъектами предпринимательской деятельности (предприниматели активно обмениваются опытом и знаниями, развивается «цеховая» структура со специализацией мастеров на отдельных операциях). На юге, напротив, эффекты блокировки не способствуют формированию сети предприятий, активно взаимодействующих, но не замкнутых на градообразующем предприятии.

Отраслевые факторы. Если север Нижнего Поочья традиционно ориентирован на металлообработку, то на юге ключевой отраслью остается металлургия (за исключением Навашино). Существенна разница в барьерах входа: организация мелкосерийного производства ножей требует относительно скромных инвестиций, в отличие от металлургии. Специализация крупных предприятий южной части (особенно производство труб большого и сверхбольшого диаметра на ВМЗ) оказалась более выгодной, в то время как на севере предприятия оказались в более трудных условиях.

Непрогнозируемые факторы. Недостаточная маржинальность внутреннего рынка для крупных предприятий севера Нижнего Поочья и кризисы 1990-х и 2000-х годов привели к значительному сжатию роли крупных предприятий в занятости жителей. Оказавшись без работы, жители были вынуждены искать другие способы заработка, в том числе и создание собственного дела.

Кроме того, важно добавить еще один фактор, чья роль значительна в российских условиях. Это *близость к рынкам сбыта продукции*. Павлово и Ворсма расположены в Европейской части России, на территории со сравнительно высокой плотностью населения. Развитие платформ дистанционной торговли (СДЭК, Авито) и маркетплейсов создали дополнительные конкурентные преимущества для малых производителей металлоизделий. Например, в Ворсме инфраструктура служб курьерской доставки и маркетплейсов адаптировалась под нужды «ножевиков».

Выводы

Сравнение двух территориальных ареалов Нижнего Поочья показывает, как небольшие различия в природно-ресурсном потенциале сформировали две разные траектории развития и постсоветской трансформации. В северной части (Павловский и Вачский округа) более низкое качество железных руд привело к формированию не фабрично-заводского, а кустарного производства, распределенного по отдельным мастерам и их семьям. Это привело к формированию особой предпринимательской среды, формированию специализации окрестных сел на определенных видах продукции металлообрабатывающего промысла, наработке и передаче соответствующих компетенций. Даже советская индустриализация шла по уже проложенной «колее» металлообрабатывающей специализации. В постсоветский период произошло частичное возрождение кустарного, индивидуального металлического промысла, чему поспособствовали как низкий порог входа, так и развитие новых цифровых платформ, упрощающих поиск покупателей и ставших фактическим заменителем прежнего механизма — ярмарок. В южной части (Выкса, Кулебаки и Навашино) более высокое качество руд стало предпосылкой для формирования крупного заводского производства, специализации на капиталоемкой металлургии. Это сформировало ситуацию, в которой главным «действующим лицом» в городе оказывается завод, находящийся на «особом положении» и распространяющий свое влияние не только на экономическую, но и на другие сферы жизни города. Дополнительно углубили эту централизацию сначала концентрация производств в основных центрах (Выксе и Кулебаках), а затем и советская индустриализация. В постсоветское время Выкса, Кулебаки и Навашино сохранили свой статус «городов при заводах»: заводы по-прежнему играют ключевую роль в принятии решений в городах, являются основными источниками пополнения муниципальных бюджетов и источниками финансирования для реализации городских проектов (ситуация, характерная в первую очередь для Выксы) и служат местом приложения труда для большей части жителей.

Преодоление такой моноспециализации затруднено за счет действия «эффектов блокировки».

В рамках исследования наряду со старопромышленными городами изучена старопромышленная сельская местность. В северной части исследуемого ареала сохраняется рассредоточенный характер производства: в селах Вачского и Павловского округов металлообрабатывающие и инструментальные производства возрождаются в постсоветское время, а некоторые из них — действовали и в советский период. Села, окружающие города на юге ареала, после ликвидации небольших металлургических предприятий функционируют как пригородные «спальные районы».

В современных условиях траектория «юга» оказалась более выгодной. Выкса действительно является одним из экономических «локомотивов» Нижегородской области, городская инфраструктура активно развивается, чему как раз способствует тесная связь города и заводом и заинтересованность завода в развитии города. Однако нельзя забывать и о рисках такой модели. Успех Выксы во многом обусловлен благоприятной рыночной конъюнктурой и специализацией на выгодных видах продукции, таких как трубы большого диаметра. В то же время соседние Кулебаки и Навашино, которым со специализацией повезло меньше, не демонстрируют похожего уровня развития — их социально-экономическое положение в целом не лучше, чем у «севера». Возможно, траектория развития северной части ареала при должной работе окажется хотя и менее быстрой, но более устойчивой.

Библиография

Аверкиева К. В., Нефедова Т. Г., Кондакова Т. Ю. (2021). Поляризация социально-экономического пространства в регионах староосвоенного центра России: пример Ярославской области // Мир России. Социология. Этнология. Т. 30. № 1. С. 49–66.

Акимова В. В., Чернецкий Ф. М. (2024). Трансформация территориальной структуры обрабатывающей промышленности Республики Корея в XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 5. С. 90–100.

Бабурин В. Л., Горячко М. Д., Демидова К. В., Макушин М. А. (2023). Ядро-периферийная модель размещения промышленности: мир и Россия // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 4. С. 3–17.

Матвеев Г. П., Приваловская Г. А., Хорев Б. С. (сост.) (1961). Волго-Вятский район: экономико-географическая характеристика. М.: Географиз.

Глазьев С. Ю. (1993). Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВлаДар.

Глонти К. М. (2008). Старопромышленные регионы: проблемы и перспективы развития // Регионология. № 4. С. 27–39.

Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. (2015). Инновационный поиск в монопрофильных городах: блокировки развития, новая промышленная политика и план действий. М.: URSS.

Землянский Д. Ю., Калиновский Л. В., Махрова А. Г., Медведникова Д. М., Чуженькова В. А. (2020). Комплексный индекс социально-экономического развития городов

России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. Т. 84. № 6. С. 805–818.

Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. (2020). Среднеуральский меридиан: поляризация пространства старопромышленных регионов // Известия Русского географического общества. Т. 152. № 5. С. 3–25.

Савельев М. А. (1916). Металлические промыслы Нижегородской губернии. Нижний Новгород: Кустарный отдел Нижегородского губернского земства.

Сорокина Н. Ю. (2025). Диагностика старопромышленных регионов как предпосылка стратегирования их социально-экономического развития: Научный доклад. М.: ИЭ РАН.

Горкин А. П. (отв. ред.) (2013). Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. Смоленск: Ойкумена.

Нефедова Т. Г., Старикова А. В. (ред.) (2021). Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность. М.: Товарищество научных изданий КМК.

Стародубровская И. (под ред.) (2011). Стратегии развития старопромышленных городов: международный опыт и перспективы в России. М.: Изд-во Института Гайдара.

Федосеев Л. А. (1901). Краткий очерк кустарной промышленности Владимирской губернии: издание Владимирского губернского статистического комитета. Владимир: типолитография Губернского правления.

Boschma R. (2007). Path creation, path dependence and regional development // Path Dependence and the Evolution of City Regional Economies, Working Paper Series. Vol. 197. № 3. P. 40-55.

Boschma R., Capone G. (2015). Institutions and diversification: Related versus unrelated diversification in a varieties of capitalism framework // Research Policy. Vol. 44. № 10. P. 1902-1914.

Boschma R., Lambooy J. (1999). The prospects of an adjustment policy based on collective learning in old industrial regions // GeoJournal. Vol. 49. № 4. P. 391-399.

Boschma R., Wenting R. (2007). The spatial evolution of the British automobile industry: Does location matter? // Industrial and corporate change. Vol. 16. № 2. P. 213-238.

Hassink R. (2005). How to unlock regional economies from path dependency? From learning region to learning cluster // European Planning Studies. Vol. 13. № 4. P. 521-535.

Hu X., Hassink R. (2015). Explaining differences in the adaptability of old industrial areas // Routledge Handbook of Politics and Technology. Routledge. P. 186-196.

Steiner M. (1985). Old industrial areas: A theoretical approach // Urban Studies. Vol. 22. P. 387-398.

The impact of path dependence on the adaptation of old-developed industrial regions of the Lower Oka Region to changing economic conditions in the post-Soviet period

Ekaterina A. Cherepanova, Senior Analyst, Center for Strategic Research, Gazetny Per., 3–5, bldg. 1, Moscow, 125009, Russia. E-mail: ekcherepanowa2016@yandex.ru

Polina A. Shirokova, Independent Researcher. Sitnikova St., 2, Balashikha, Moscow Region, 143923, Russia. E-mail: shirokova-poly@yandex.ru

Grigory A. Nazarenko, PhD Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninskie Gory, 1, GSP-1, Moscow, 119991, Russia. E-mail: nga-02@mail.ru

Oleg E. Prusikhin, PhD Student, Senior Engineer, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninskie Gory, 1, GSP-1, Moscow, 119991, Russia. E-mail: olegprus2000@mail.ru

Oleg D. Krutov, PhD Student, Senior Engineer, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninskie Gory, 1, GSP-1, Moscow, 119991, Russia. E-mail: bigoleg911@yandex.ru

Evgeny A. Aleksandrov, Master's Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninskie Gory, 1, GSP-1, Moscow, 119991, Russia. E-mail: aleksandrovea@my.msu.ru

Natalia A. Koldobskaya, PhD (Geography), Associate Professor, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninskie Gory, 1, GSP-1, Moscow, 119991, Russia. E-mail: koldobskaya@gmail.com

Abstract. The article considers the influence of "path dependence" on the adaptation of old industrial territories of the Nizhny Novgorod Region to the changing economic conditions in the post-Soviet period. The authors identify two different development trajectories — in the northern part (Pavlovsky and Vachsky districts) with a predominance of small business and handicraft production and in the southern part (Vyksa, Kulebaki, Navashino) with a predominance of large enterprises. The study is based on interviews, statistical and archival data. The comparative analysis showed that northern territories managed to adapt by restructuring and diversification of production based on the historical handicraft traditions, while southern territories maintained a monocentric model with the city-forming enterprise determining economic and social life. The authors identify three types of "blocking effects" (functional, political, and cognitive) that make it difficult to diversify the economy in southern regions. On the contrary, in northern regions, a developed network of cooperating small enterprises contributes to the sustainability and flexibility of the local economy. Thus, historical specialization of territories still determines their development trajectories.

Key words: old industrial territories, path dependency, Nizhny Novgorod Region, Lower Oka Region, small towns, single-industry towns, ferrous metallurgy

References

Akimova V. V., Chernetsky F. M. (2024) Transformation of the territorial structure of manufacturing industry in the Republic of Korea in the 21st century. *Bulletin of epy Moscow University. Series 5: Geography*, no 5, pp. 90–100. (In Russian)

Averkieva K. V., Nefedova T. G., Kondakova T.Yu. (2021) Polarization of social-economic space in regions of the old-developed center of Russia: The case of the Yaroslavl Region. *Mir Rossii*, vol. 30, no 1, pp. 49–66. (In Russian)

Baburin V. L., Goryachko M. D., Demidova K. V., Makushin M. A. (2023) The core-periphery model of industrialization: The world and Russia. *Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography*, no 4, pp. 3–17. (In Russian)

Boschma R. (2007) Path creation, path dependence and regional development. *Path Dependence and the Evolution of City Regional Economies. Working Paper Series*, vol. 197, no 3, pp. 40–55.

Boschma R., Capone G. (2015) Institutions and diversification: Related versus unrelated diversification in a variety of capitalism frameworks. *Research Policy*, vol. 44, no 10, pp. 1902–1914.

Boschma R., Lambooy J. (1999) The prospects of an adjustment policy based on collective learning in old industrial regions. *GeoJournal*, vol. 49, no 4, pp. 391–399.

Boschma R., Wenting R. (2007) The spatial evolution of the British automobile industry: Does location matter? *Industrial and Corporate Change*, vol. 16, no 2, pp. 213–238.

Fedoseev L. A. (1901) *A Brief Essay on the Handicraft Industry in the Vladimir Province*, Vladimir: State Printing and Lithography Office. (In Russian)

Glazyev S.Yu. (1993) *Theory of the Long-Term Techno-Economic Development*, Moscow: Vla-Dar. (In Russian)

Glonti K. M. (2008) Old industrial regions: Challenges and development prospects. *Regional Studies*, no 4, pp. 27–39. (In Russian)

Gorkin A. P. (Ed.) (2013) *Social-Economic Geography: Concepts and Terms*. Reference Dictionary, Smolensk: Oikumene. (In Russian)

Hassink R. (2005) How to unlock regional economies from path dependency? From learning region to learning cluster. *European Planning Studies*, vol. 13, no 4, pp. 521–535.

Hu X., Hassink R. (2015) Explaining differences in the adaptability of old industrial areas. *Routledge Handbook of Politics and Technology*, Routledge, pp. 186–196.

Matveev G. P., Privalovskaya G. A., Khorev B. S. (Eds.) (1961) *Volga-Vyatka Region: Economic-Geographical Characteristics*, Moscow: Geografgiz. (In Russian)

Nefedova T. G., Starikova A. V. (Eds.) (2021) *Old-Developed Regions in the Russian Space: History and the Present Time*, Moscow: ASP KMK. (In Russian)

Nefedova T. G., Treyvish A. I. (2020) Middle Urals meridian: Polarization of space in old industrial regions. *Proceedings of the Russian Geographical Society*, vol. 152, no 5, pp. 3–25. (In Russian)

Savelyev M. A. (1916) *Metal Crafts of the Nizhny Novgorod Province*, Nizhny Novgorod: Handicraft Department of the Nizhny Novgorod Provincial Zemstvo. (In Russian)

Sorokina N.Yu. (2025) Diagnosis of Old Industrial Regions as a Prerequisite for the Strategy of Their Social-Economic Development, Moscow: IE RAS. (In Russian)

Starodubrovskaya I. (Ed.) (2011) *Development Strategies for Old Industrial Cities: International Experience and Prospects in Russia*, Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russian)

Steiner M. (1985) Old industrial areas: A theoretical approach. *Urban Studies*, no 22, pp. 387–398.

Zamyatina N.Yu., Pilyasov A. N. (2015) *In Search of Innovations in Single-Industry Cities: Obstacles to Development, New Industrial Policy and Action Plan*, Moscow: URSS. (In Russian)

Zemlyansky D.Yu., Kalinovsky L. V., Makhrova A. G., Medvednikova D. M., Chuzhenkova V. A. (2020) Composite index of social-economic development of Russian cities. *News of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series*, vol. 84, no 6, pp. 805–818. (In Russian)